

Ю.А. Ковальчук

ГЕТЕРООБРАЗ КНДР В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлен имагологический анализ репрезентации КНДР и ее жителей в творчестве современных писателей Республики Корея («Принцесса Пари» Хван Согёна и «Я встретила Ро Кивана» Чо Хэчжин). Проанализированы способы деконструкции этими авторами существующих в Республике Корея стереотипов о северных корейцах и их попытки моделирования свободного от идеологического влияния гетерообраза КНДР. Показано, что Хван Согён и Чо Хэчжин выражают стремление понять северокорейского «Другого» в контексте глобализационных процессов.

Ключевые слова: имагология, северные корейцы и КНДР, «литература о северокорейских беженцах», Хван Согён, Чо Хэчжин.

Несмотря на общий культурно-исторический фон в результате десятилетий существования в режиме разделенной нации южные и северные корейцы сегодня являются носителями разных национальных идентичностей. Многие современные жители Республики Корея относятся к северокорейцам не как к соотечественникам, а как к «Другим», чьи система ценностей и культура разительно отличаются. КНДР в современном южнокорейском медиадискурсе представляется в основном как тоталитарная и криминализованная страна, а ее жители – как недостаточно образованные, ограниченные и подозрительные люди. Тема КНДР до сих пор остается в некоторой степени табуированной не только в Республике Корея, но и во всем мире.

Однако в последние годы Республика Корея и Корейская Народная Демократическая Республика придерживаются политики примирения и прилагают усилия для установления дружеских отношений. Политические тенденции последних лет оказывают влияние на лите-

ратурный процесс Республики Корея, что вызывает необходимость проанализировать восприятие КНДР в литературном дискурсе Республики Корея с имагологической точки зрения.

Романы «Принцесса Пари» Хван Согёна (2007) [1] и «Я встретила Ро Кивана» Чо Хэчжин (2011) [2], выбранные в качестве объектов исследования, – яркие постмодернистские сочинения признанных в Республике Корея писателей, в которых темы КНДР и северокорейских беженцев интерпретируются с помощью приемов реализма и психологизма, мотивов сна и путешествия в параллельные миры. Эти произведения корейские литературоведы (Пак Токкю [3] и др.) относят к тематическому виду «литература о северокорейских беженцах» (*тхальбук мунхак*), в котором отражается стремление южнокорейских интеллектуалов понять северокорейского «Другого» и примириться с ним. «Литература о северокорейских беженцах» противопоставляется развивавшейся в XX веке «литературе разделенной нации» (*пундан мунхак*), в которой выражалось идеологическое противостояние и взаимное настороженное отношение двух корейских государств. Кроме того, что «литература о северокорейских беженцах» готовит фундамент для объединения [3. С. 90], ее важность состоит в том, что она выносит проблему конфликта Южной и Северной Кореи на мировой уровень [4. С. 31–32], показывая возможности для оздоровления всего мирового сообщества, в отличие от «литературы разделенной нации», сосредоточенной лишь на узком контексте местного конфликта.

Романы «Принцесса Пари» Хван Согёна и «Я встретила Ро Кивана» Чо Хэчжин неоднократно становились объектами литературоведческого и междисциплинарного изучения. Среди литературоведов преобладают два взгляда на эти сочинения. Часть ученых [5–7] трактует замысел произведений как попытку понять маргинального и отчужденного «Другого» в широком смысле этого понятия, как поиск способа понять боль «Другого» и исцелиться вместе, относясь к «Другому» не с унижающей человеческое достоинство жалостью, а ощутив с ним солидарность. Согласно второй группе авторов [8, 9], «литература о северокорейских беженцах» является частью постколониального дискурса, направленного на отрицание сформированных Западом представлений о странах так называемого третьего мира как о подчиненных и слабых, требующих контроля и перевоспитания. Мигранты и беженцы при этом воспринимаются как сплоченная общность, оказывающая сопротивле-

ние мировому капиталу и неоколониализму (т.е. глобализационным процессам), преодолевая конфликт между национальной идентичностью и потребностями мультикультурного общества.

Однако романы «Принцесса Пари» и «Я встретила Ро Кивана» не рассматривались с применением имагологического подхода, позволяющего выявить механизмы формирования и специфику обновленного гетерообраза северных корейцев в условиях, сложившихся в XXI веке. Цель данной статьи состоит в анализе репрезентации северокорейцев и их страны в современной литературе Республики Корея с учетом внелитературного контекста – культурного климата и политической ситуации.

Во все времена литература обладала значительной силой пропагандистского и дидактического воздействия на общество. Как утверждает Й. Леерссен, ведущий теоретик современной имагологии, именно художественная литература является привилегированным средством создания и распространения этностереотипов. Она пользуется у публики доверием и уважением, так как фигура писателя часто идеализируется, ему приписывается высшая эпистемическая позиция и право давать читателям наставления [10. С. 26]. Через литературные произведения читатели формируют мнение о народах, с которыми лично не контактировали, доверяя авторитетным суждениям писателей. Вот почему важно изучить в имагологическом аспекте образы северных корейцев в произведениях популярных прозаиков современности, привлечших внимание критики и читательской аудитории Южной Кореи.

В этих романах, нацеленных на познание северокорейского «Другого», имплицитно присутствует имагологическая методология, обращенная писателями в инструмент для реализации художественного замысла – конструирования нового гетерообраза КНДР в дискурсе Республики Корея. Хван Согён и Чо Хэчжин берут на себя ответственность рассказать о КНДР южнокорейским читателям в нынешней ситуации, когда северные корейцы живут в политической и информационно-изоляции и не могут сами представить себя миру.

«Принцесса Пари» Хван Согёна – авторский миф на интертекстуальной основе, в котором сюжет древнего шаманского мифа¹ трас-

---

¹ Сюжет мифа-первоисточника состоит в следующем. Король, не имеющий сыновей, приказывает выбросить новорожденную седьмую дочь, потому что она

планируется в современные исторические условия. При этом реалистический план изложения фокусируется на актуальных проблемах мирового сообщества (таких как торговля людьми, терроризм, нелегальная миграция), а фантасмагорический план помогает рассмотреть универсальные вневременные смыслы.

С помощью мифологического интертекста, созданного на основе сокровищ народного духа, общих для двух корейских государств, Хван Согён борется с сухой политической идеологией. Символический язык мифа, понятный всем корейцам, помогает почувствовать общую идентичность, воздействует на коллективное бессознательное.

История современной Пари [1] начинается с несколько идеализированного описания обычной северокорейской семьи, жизнь которой была небогатой, но в целом нормальной, ведь раньше, как старается показать автор, КНДР была стабильным и развивающимся государством. Единственной существенной проблемой супругов было отсутствие сыновей. Когда родилась седьмая дочь, мать выбросила ее, но вскоре свекровь нашла младенца и вернула в дом. После этого герои романа живут дружно и согласно, соответствуя общекорейскому конфуцианскому идеалу большой семьи, где старшие наставляют и опекают младших, а младшие отвечают им почтительностью и любовью. Персонажем, связывающим жителей КНДР с общекорейской культурой, становится бабушка Пари. Она – символический общий предок всех корейцев, воплощение древней общей Родины. Бабушка – потомственная шаманка, носительница народной мудрости и традиций, которая заботится о целостности семьи, совершает древ-

---

принесла скорбь и разочарование. Но принцессу Пари защищает сам Будда и спасает ей жизнь. Проходят годы, король и королева тяжело болевают. Гадатель сообщает, что для лечения необходимо найти брошенную дочь и попросить ее добыть у волшебника, живущего в потустороннем мире, живую воду. Пари соглашается выполнить трудное задание из чувства долга перед родителями, давшими ей жизнь. Вернувшись в столицу с живой водой, она встречает королевскую похоронную процессию и сразу оживляет родителей. Король предлагает ей в награду богатства, однако она отказывается, говоря, что теперь не принадлежит миру живых и желает сопровождать души умерших, утешая их по пути в иной мир, поскольку видела их страдания и исполнилась к ним сочувствия [11. С. 169–188].

ние обряды и рассказывает внучке, распознав в ней свою преемницу, шаманскую легенду о Брошенной принцессе.

Далее в романе показано, что в 1990-е гг. ситуация в стране резко ухудшается. Писатель намекает, что бедствия Северной Кореи вызваны не столько ошибками руководства, сколько влиянием мирового политического процесса – развала коммунистического лагеря вследствие распада СССР и падения Берлинской стены. Начинается голод, к нему присоединяются наводнения и лесные пожары. Постепенно Пари теряет в разных трагических обстоятельствах всех членов семьи. Судьба заносит ее сначала в Китай, затем торговцы людьми перевозят ее на корабле в Лондон. Там она попадает в пеструю среду мигрантов из разных стран, благодаря дружеской поддержке которых наконец обретает надежду на достижение счастья.

Хван Согён в одном из интервью [12. С. 285] делится убеждением, что сейчас КНДР имеет репутацию врага всего мира и страны-изгоя, поскольку отнесена к «оси зла» могущественными державами во главе с США, которые стремятся хозяйничать повсюду и потому усугубляют поляризацию мира и сеют враждебность по отношению к странам, так или иначе избегающим неоколониальной зависимости. По мнению писателя, мировые силы не помогают жителям КНДР, чтобы уличить руководство страны в антигуманности и иметь доказательства надвигающегося падения режима. Вот почему Хван Согён утверждает, что «северокорейские страдальцы – тень глобализации» [12. С. 282], т.е. беженцами делает северных корейцев не только их правительство, а весь мир.

Пари проходит в действительности и в фантазмагорическом мире круги ада, но в своих скитаниях переживает не только личные мучения, связанные с голодом, потерей близких, тяжелой работой, одиночеством. Она встречает множество страждущих, к которым проникается сопереживанием. В реальности это ее друзья мигранты, попавшие в сложные ситуации, соседи на борту корабля, плывущего в Европу, и ее клиенты. В видениях – души соотечественников, умерших от голода, души ее родни, души врагов-мучителей, души людей, погибших в войнах и несчастных случаях. Всем им Пари желает помочь, но в реальном мире она бессильна.

Потенциал спасительницы раскрывается в видениях Пари, в которых воплощается ее жизненный опыт и приобретенная в страдани-

ях мудрость. Цель ее скитаний, согласно мифу, – поиски живой воды. В последнем видении ада она находит колодец и даже пьет из него, но оказывается неспособной распознать, что это была именно живая вода. Пари осознает, что унести живую воду и дать ее людям невозможно. Не существует универсального средства для спасения всех, поскольку путь к счастью и свободе у каждого свой. Однако Пари освобождает души, взывающие к ней, – без живой воды, но с помощью волшебных цветов, символизирующих утешение, надежду, терпение, веру в людей, избавление от ненависти к обидчикам.

Хван Согён сообщает [12. С. 278], что этимологию имени принцессы можно возводить не только к слову *порида* (выбрасывать), но и к слову *пакта* (светлый), предлагая таким образом трактовку, согласно которой Пари – не просто несчастная девушка, на плечи которой возложена тяжелейшая ноша, но и Принцесса надежды, Принцесса воскрешения. Однако он не отказывается и от традиционного истолкования – Брошенная принцесса, используя игру слов для передачи идеи о том, что человек способен пройти к свету сквозь череду несчастий.

Этнообразы, рассматриваемые имагологией, формируются на основе архетипов и символов культуры наблюдателя, в них обобщается человеческий опыт в виде бинарных оппозиций «природа и человек», «свое и чужое», «жизнь и смерть», «добро и зло». Образы других народов являются частью воображаемого дискурса, подобного мифологическому. Вот почему обращение к мифу помогает Хван Согёну реализовать замысел конструирования нового гетерообраза КНДР. Хван Согён бережно обращается с мифическим материалом, перенося Пари в наши дни, используя миф о Пари как «вечный сюжет» о неприкаянной душе, которой нигде не найти покоя, и давая читателям понять, что Брошенная принцесса потенциально живет в каждом человеке. Он желает показать, что душевная боль одинакова вне зависимости от эпохи и места, что человеческая сущность одинакова, независимо от культур, к которым принадлежат люди.

Мифу о Пари Хван Согён придает много смыслов, один из которых – аллегория ситуации с КНДР. Пари выступает персонификацией народа КНДР, брошенного на произвол судьбы руководителями собственной страны и больших держав (королем и королевой) и оказавшегося в суровых условиях неприветливого мира (полная тягот и испытаний до-

рога, которую проходит Пари в мифе). Одиночество и неопределенность существования являются основными характеристиками Пари. Но Пари прощает родителей и соглашается их спасти, потому что они сделали первый шаг навстречу к собственному исцелению – позвали ее. Хван Согён выражает в своем романе-мифе гуманистические и космополитические взгляды, доказывая, что КНДР и остальные страны мира (Пари и ее родители) смогут избавиться от страданий, лишь найдя общий язык и обратившись друг к другу лицом, что весь мир сможет очиститься и исцелиться только тогда, когда обратит внимание на униженных и забытых маргиналов, в числе которых и северокойрейцы.

Стремление подвести как можно ближе к читателю конкретного северокойрейского «Другого» и заставить заглянуть в его душу ярко выражено в романе Чо Хэчжин «Я встретила Ро Кивана», хотя роман и не исчерпывается северокойрейской проблематикой. Тема Ро Кивана связывает в романе нескольких персонажей с их личными трагедиями, служит фундаментом для размышлений о проблемах человеческого бытия. Чо Хэчжин признается, что пыталась найти ответы на вопросы: возможно ли по-настоящему понять чужую боль и до какой степени возможна солидарность [13].

Нарратор в романе «Я встретила Ро Кивана» [2] – южнокорейская сценаристка по фамилии Ким, создающая телепередачи об обездоленных людях. Она узнает из журнала о северокойрейском беженце Ро Киване, проживающем в Европе. Юноша сбежал с матерью из КНДР в Китай, где мать вскоре погибла. Его уговорили продать тело матери на органы и на полученные деньги нелегально выехать из страны. Он соглашается, исходя из соображения, что мать желала бы, чтобы ее жертвы ради него не были напрасными, хотя чувство вины за этот аморальный поступок никогда его не покидает. Попав в Брюссель, Ро Киван испытывает новые страдания, чувствуя себя никому не нужным чужаком-аутсайдером и безмолвным призраком, ведь он не знает иностранных языков и является бездомным нелегалом. Он поселяется в дешевом хостеле и обращается в посольство Южной Кореи за помощью, но получает отказ. Истратив все деньги, Ро Киван вынужден терпеть голод, скитаться по улицам, просить милостыню и ночевать в общественном туалете. Вскоре он попадает в лагерь для нелегальных мигрантов, получает официальный статус беженца и его жизнь налаживается.

Сценаристка Ким решает написать о нем книгу, но сердце подсказывает ей, что получить моральное право писать о чужих страданиях можно, лишь испытав подобные страдания на себе. Она едет в Брюссель и посещает места, о которых Ро Киван упоминает в дневнике. Ким ходит по тем же улицам, заходит в тот же хостел, посещает посольство Южной Кореи, пытается есть в туалете и даже просить милостыню, как делал это северокаорейский юноша.

Сценаристка Ким начинает свой рассказ признанием, что вначале Ро Киван был для нее никем, и она «обозначила его для себя буквой Р.» [2. С. 7]. Она рассуждает, что, хотя грустные истории беженцев из КНДР достаточно широко известны, люди склонны сомневаться в правдивости этих трагедий, им кажется невероятным, что человек способен выдержать такие чрезмерные муки. Эти истории воспринимаются публикой как дурной сон, принадлежащий другому миру. Вот почему существование Ро Кивана приходится доказывать, делать из призрака, из записи в документах реального человека. По мере повторения его брюссельских маршрутов в соответствии с записями в дневнике, Ким превращает короткий безликий инициал в индивида по имени Ро Киван, приближается к нему и входит в его жизнь.

Важно, что история жизни Ро Кивана до приезда в Брюссель подается в романе в виде скупого изложения ключевых событий, подобного краткому телесюжету, а его дневник, на который опирается в своих размышлениях сценаристка Ким, практически не цитируется. Голос самого Ро Кивана в тексте романа не звучит, как не звучат на весь мир голоса и других северных корейцев, замкнутых в пространстве своих личных трагедий. Ким, а вместе с ней и читатели, познают Ро Кивана и конструируют его образ лишь в фантазиях. Однако Чо Хэчжин в романе неоднократно говорит о том, что вообразить себе чужую боль невероятно трудно, что в этом процессе неизбежны заблуждения. Эти размышления перекликаются с идеями Э. Гуссерля о невозможности познать «Другого» без опоры на привычные категории «Своего» и проведения аналогий с собственным опытом и менталитетом [14. С. 94].

Вот почему южнокорейская сценаристка Ким *встречает* выходца из КНДР Ро Кивана дважды – сначала в воображаемом пространстве, а затем и в реальности. Их встреча становится начальной точ-

кой новой фазы взаимного познания. Финальная сцена романа, в которой Ким и Ро встречаются в действительности, символизирует надежду на установление продуктивного диалога между Югом и Севером. Теперь Ким, которая в романе упоминается только по фамилии, должна рассказать свою историю Ро Кивану, стать для него живым человеком и сообщить ему свое имя. А Ро Киван, благодаря шагам навстречу, сделанным сценаристкой Ким, сможет лично рассказать ей о себе, подтвердив или опровергнув ее представления о нем.

Обращаясь к трагической теме голода 1990-х гг. в КНДР, Чо Хэчжин рассуждает о комплексе морально-этических проблем, связанных с КНДР и ее населением, продолжая мысли Хван Согёна. Писательница вкладывает дополнительную смысловую нагрузку в эпизод об эвтаназии страдающей раком терминальной стадии женщины [2. С. 106, 112]. Чо Хэчжин формулирует дилемму: следует ли мировому сообществу, в частности и Республике Корея, прибегнуть к «эвтаназии» обреченного на гибель нежизнеспособного северокорейского государства, не оказывая ему никакой помощи, или поддерживать голодающих жителей «паллиативной» благотворительностью, продлевая таким образом «неизлечимую болезнь» их Родины? [2. С. 90–92]. С другой стороны, пример персонажа книги, Ро Кивана, показывает, что многие северокорейцы выбирают «самоубийство», то есть эмиграцию, убивая свою национальную идентичность как граждан КНДР и надеясь переродиться в более счастливом месте, став гражданами другой страны. Чо Хэчжин напоминает о том, что внешний мир сознательно избегал оказания помощи голодающим, желая ускорить таким образом падение режима, чтобы подобные ситуации не повторялись в будущем. Но, говорит писательница, гуманистические понятия требуют приходить на помощь к страждущим, пока не стало поздно, даже если те не зовут, а только терпят мучения в одиночестве. Как может «здоровый» мир оправдаться после того, как равнодушно смотрел на страдания миллионов людей в «неизлечимо больном» государстве? – спрашивает она и называет такое безразличие и игнорирование «неумышленным насилием» [2. С. 92].

Творческие задачи написания романов «Принцесса Пари» и «Я встретила Ро Кивана» согласуются с принципами имагологии. Авторы показывают КНДР всему миру под другим углом, чтобы стереть все различия, границы и стереотипы.

В их произведениях описана тяжелая жизнь и душевная боль северокорейцев, которые сталкиваются с голодом, страхом, унижением и необходимостью отказаться от Родины. Рассказывая о трагических судьбах северокорейских персонажей, Хван Согён и Чо Хэчжин не только стремятся вызвать сопереживание у южнокорейских читателей. Описания психологического состояния героев и их отношений с членами семьи демонстрируют, что в КНДР традиционные конфуцианские и универсальные человеческие ценности пребывают в таком же почете, как и в Республике Корея.

Дополнительным инструментом, помогающим сблизить Север и Юг, служит обращение авторов к форме романа-путешествия, поскольку описание скитаний человека, исполненного страданий (так называемой жизненной тоски *хан* 恨, 恨), является одним из главных сюжетообразующих приемов традиционной корейской литературы. Хван Согён даже выносит в эпиграф «Принцессы Пари» цитату из народной песни «Ариран», в которой речь идет о человеке, оставившем родной дом и встретившем в пути много тягот. Хван Согён и Чо Хэчжин побуждают южнокорейскую аудиторию разглядеть в северокорейском «Другом» свое отражение, призывают прекратить идеологическую конфронтацию во имя взаимопомощи и сочувствия.

Хван Согён и Чо Хэчжин создали новый гетерообраз северокорейцев, стараясь исправить заблуждения о КНДР. Своими произведениями они выступают против демонизации жителей Северной Кореи, деконструируют «фобию» населения Республики Корея по отношению к северным соседям и совершают «реконструкцию утраченного единства» (по Д.-А. Пажо) [15. С. 151–153]. Писатели предлагают читателям Республики Корея свое видение картины действительности. Северокорейские персонажи не наделяются какими-либо специфическими чертами национального характера или привычками, т.е. представлены не олицетворениями определенной культуры, а просто людьми, как и все остальные жители планеты. Обновленный гетерообраз северокорейцев, таким образом, является полностью очищенным от национальных категорий.

Как следует из произведений Хван Согёна и Чо Хэчжин, чрезвычайно важно не забывать о человеческом достоинстве северных корейцев, страдающем от того, что медиадискурс представляет их в

жалком и убогом виде, а их страну – в образе сущего ада. Налаживать межкорейский диалог необходимо не со снисходительным отношением успешного и процветающего Юга к отстающему Северу, а с деликатностью и искренним сочувствием, поскольку этот процесс касается не безликой государственной машины, а отдельных людей. Именно поэтому Хван Согёна и Чо Хэчжин в своих произведениях освещают судьбы конкретных молодых северных корейцев, максимально индивидуализируя даже заголовки романов, в которых использованы личные имена персонажей. При этом писатели, чтобы избежать позиции всеведущих авторов-морализаторов, прибегают к приему «авторской маски», позволяющему автору устраниваться из произведения, позволив персонажам-нарраторам напрямую выражать свои эмоции.

Писатели не идеализируют своих героев и не возвышают их страдания ради сентиментального эффекта, не изображают их такими, какими они должны быть в соответствии с представлениями, сформированными в массовой культуре. Эти персонажи не являются фанатичными адептами политической идеологии КНДР и не совершают героических поступков, а просто стремятся спастись любым способом, порой совершая ошибки и руководствуясь эгоистичными помыслами.

Разрушая устаревшие представления об отчужденности двух корейских государств, Хван Согён и Чо Хэчжин стараются искоренить понятие о северокорейцах как о врагах и непостижимых «Других», формируя гетерообраз народа, близкого по духу южным корейцам и всему мировому сообществу. Таким образом они ищут пути к достижению гармонии в отношениях между людьми и напоминают современникам о трагедиях прошлого и современности, призывая не допускать их повторения.

Литература

1. *Хван Согён*. Принцесса Пари. М.: ЛУЧ, 2015. 288 с.
2. *Чо Хэчжин*. Я встретила Ро Кивана. СПб.: Гиперион, 2016. 176 с.
3. *박덕규*. 탈북문학의 형성과 전개 양상 // 한국문예창작. 2015. Vol. 14. No. 3. P. 89–113. (*Пак Токкю*. Генезис и эволюция «литературы о северокорейских беженцах» // Корейское литературное творчество. 2015. Вып. 14. № 3. С. 89–113).

4. 류찬열. 분단과 탈북자를 바라보는 두 가지 시선 // 다문화콘텐츠연구. 2015. Vol. 18. P. 47–67. (Рю Чханнёл. Две точки зрения на разделение нации и северокорейских беженцев // Исследования проблем мультикультурализма. 2015. Вып. 18. С. 47–67).
5. 이미림. 유동하는 시대의 이방인들, 이주자와 여행자 : 조해진의 '로기완을 만났다'를 중심으로 // 韓國文學論叢. 2013. Vol. 65. P. 643–670. (Ли Мирым. Чужестранцы эпохи мобильности, переселенцы и путешественники : на материале романа Чо Хэчжин «Я встретила Ро Кивана» // Исследования корейской литературы. 2013. Вып. 65. С. 643–670).
6. Guryeva A. A Parable of Compassion: I Met Rho Gi-wan by Cho Haejin // Korean Literature Now. 2016. URL: <https://www.koreanliteraturenow.com/writers-note/cho-haejin-journey-meet-lo-kiwan>
7. 김영미. 탈북자를 바라보는 새로운 시각 // 통일인문학. 2017. Vol. 69. P. 5–31. (Ким Ёнми. Новый взгляд на северокорейских беженцев // Гуманитарные исследования проблем Объединения. 2017. Вып. 69. С. 5–31).
8. 강미라. 황석영의 '바리데기'에 나타난 탈식민성 연구. 석사 학위논문. 한국교원대학교 대학원, 2009. 74 p. (Кан Мира. Постколониальный дискурс романа Хван Согёна «Принцесса Пари»: дис. ... магистра. Корейский педагогический университет, 2009. 74 с.).
9. 박승희. 민족과 세계의 연대 방식 – 황석영의 '바리데기'를 중심으로 // 韓民族語文學. 2010. Vol. 57. P. 505–530. (Пак Сынхи. Идеи национального и глобального единения в романе Хван Согёна «Принцесса Пари» // Корейская филология. 2010. Вып. 57. С. 505–530).
10. Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Survey / Ed. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 17–34.
11. Choi Won-Oh. An Illustrated Guide to Korean Mythology. Kent: Global Oriental, 2008. 317 p.
12. Хван Согён. В поисках живой воды, сглаживая конфликты и столкновения // Хван Согён. Принцесса Пари. Москва: ЛУЧ, 2015. С. 277–286.
13. Cho Haejin. The Journey to Meet Lo Kiwan // Korean Literature Now. 2015. URL: <https://www.koreanliteraturenow.com/fiction/reviews/cho-haejin-parable-compassion-i-met-rho-gi-wan-cho-haejin>
14. Husserl E. Cartesian Meditations. An Introduction to Phenomenology. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1960. 157 p.
15. Pageaux D.-A. De l'imagerie culturelle à l'imaginairre // Précis de littérature comparée / Ed. P. Brunel, Y. Chevrel. Paris: Presses Universitaires de France, 1989. P. 133–161.

THE HETERO-IMAGE OF THE DEMOCRATIC PEOPLE'S REPUBLIC OF KOREA IN THE CONTEMPORARY PROSE OF THE REPUBLIC OF KOREA: IMAGOLOGICAL APPROACH

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 208–221. DOI: 10.17223/24099554/12/10

Yulia A. Kovalchuk, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Institute of Philology (Kyiv, Ukraine). E-mail: yulaukr@bigmir.net

Keywords: imagology, Korea, “literature about North Korean defectors”, Hwang Sok-yong, Cho Haejin.

The article presents the imagological interpretation of the perception of the North Korean “Other” by the contemporary South Korean writers in the novels *Princess Bari* by Hwang Sok-yong (2007) and *I Met Lo Kiwan* (2011) by Cho Haejin. The aim of the research is to analyze how the contemporary literature of the Republic of Korea is affected by the ongoing political process designed to pursue the conciliation between the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea. The novels *Princess Bari* by Hwang Sok-yong and *I Met Lo Kiwan* by Cho Haejin are notable literary works dealing with North Korean topics and reflecting the desire of the South Korean writers to comprehend the North Korean “Other” in the context of globalization and intensification of communication between the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea. Hwang Sok-yong's and Cho Haejin's goals in their novels are accordant with the ideas of imagology aiming to deconstruct national stereotypes, to release human mind from national categories and to open the ways to equal multicultural dialogue. Despite their common historical origin and cultural background, South and North Koreans represent different ideologies and national identities after long decades of the Division. Many of present-day South Korean people seem to regard North Koreans not as their countrymen, but as the “Others”, whose lifestyle and culture are strikingly different. But, in their novels, Hwang Sok-yong and Cho Haejin depict the hard living and heartache of North Korean men and women, who encounter hunger, fear and loss of their close relatives. The tragic fates of the North Korean characters seem to be meant to arouse South Korean readers' sympathy. At the same time, the descriptions of the psychological condition and family relations of North Korean people confirm that Confucian virtues and universal values are still held in esteem among them, like in South Korea. In their novels, Hwang Sok-yong and Cho Haejin take the responsibility of telling about the Democratic People's Republic of Korea to the readers of the Republic of Korea, because in today's situation North Koreans living in the political isolation are not able to promote their self-image. The novelists take the problem of the Korean conflict from the local to the global level showing its influence on the entire world, invoke South Korean readers to see their reflection in the North Korean “Others”, suggest stopping the ideological confrontation for the sake of mutual aid and compassion. Ruining the out-of-date ideas about the estrangement of the two Korean states, Hwang Sok-yong and Cho Haejin endeavor to eliminate the conception of North Koreans as of the enemies and incomprehensible

“Others” and to create the hetero-image of the Democratic People’s Republic of Korea as of a nation like-minded with South Koreans and the global community.

References

1. Hwang Sok-yong. (2015) *Printsessa Pari* [Princess Bari]. Translated from Korean. Moscow: LUCH.
2. Cho Haejin. (2016) *Ya vstretila Ro Kivana* [I Met Lo Kiwan]. Translated from Korean. St. Petersburg: Giperion.
3. Pak Dokkyu. (2015) Formation and Development of the Literature about North Korean Defectors. *Hanguk muye changak*. 14 (3). pp. 89–113. (In Korean).
4. Ryu Chanyeol. (2015) Two Visions to Look at Division and North Korean Defectors. *Damunhwa kontencheu yeongu*. 18. pp. 47–67. (In Korean).
5. Lee Mirim. (2013) Stranger Groups, Migrants, and Travelers in the Age of Mobility: With a focus on I Met Ro Gi-wan by Jo Hae-jin. *Hanguk munhak nonchon*. 65. pp. 643–670. (In Korean).
6. Guryeva, A. (2016) *A Parable of Compassion: I Met Rho Gi-wan by Cho Hae-jin*. [Online] Available from: <https://www.koreanliteraturenow.com/writers-note/cho-haejin-journey-meet-lo-kiwan>. (Accessed: 12th March 2019).
7. Kim Yeongmi. (2017) A New Perspective for the North Korean Defector. *Tongil inmunhak*. 69. pp. 5–31. (In Korean).
8. Kang Mira. (2009) *Hwang Seokyeong-ui “Baridegi”-e natanan talsikminseong yeongu* [Study on Hwang Seok-yeong’s “Baridegi” with the Post-Colonialism]. Master Degree Dissertation. Graduate School of Korea National University of Education.
9. Pak Seunhui. (2010) Solidarity of Nation and World through Migration. *Han-minjok eomunhak*. 57. pp. 505–530. (In Korean).
10. Leerssen, J. (2007) Imagology: History and Method. In: Beller, M. & Leerssen, J. (eds.) *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Survey*. Amsterdam: Rodopi. pp. 17–34.
11. Choi Won-Oh. (2008) *An Illustrated Guide to Korean Mythology*. Kent: Global Oriental.
12. Hwang Sok-yong. (2015) V poiskah zhivoi vody, sglazhivaya konflikty i stolknoveniya [In Search of the Life-Giving Water]. In: *Printsessa Pari* [Princess Bari]. Moscow: LUCH. pp. 277–286.
13. Cho Haejin. (2015) *The Journey to Meet Lo Kiwan*. [Online] Available from: <https://www.koreanliteraturenow.com/fiction/reviews/cho-haejin-parable-compassion-i-met-rho-gi-wan-cho-haejin>. (Accessed: 12th March 2019).
14. Husserl, E. (1960) *Cartesian Meditations. An Introduction to Phenomenology*. Hague: Martinus Nijhoff Publishers.
15. Pageaux, D.-A. (1989) De l’imagerie culturelle à l’imaginairerie. In: Brunel, P. & Chevel, Y. (eds) *Précis de littérature comparée*. Paris: Presses Universitaires de France. pp. 133–161.